

Фарида Кудяева

Ах, старики, мои старики...

Ма-аленькая...

Посвящаяю Тимке (Фатиме Афауновой)

Почему сегодня меня так волнует Горький? Рассказ его «Ма-аленькая!» преследует целый день. Почему я опять ушла в него? Кто-то сможет понять меня, если я сама себя не понимаю?

Я когда-то выучила произвольно текст этого рассказа наизусть. В нём было столько трагизма, что я возвращалась невольно к нему каждый раз и всматривалась вдаль в ожидании того, что увижу странников с посохом, но их не было. Странное ощущение того, что никто из взрослых, окружавших меня, не способен поступить так, как эти старики, не покидало меня. Может, просто я не знала их?

Героев рассказа на Руси называли богомольцами.

«По пути из Задонска в Воронеж я догнал двух богомольцев — старика и старуху. Обоим им с виду было лет полтора; они шли так медленно и неумело, тяжело двигая ступни по горячей пыли дороги, и оба имели в физиономиях и в одежде еле уловимое нечто; это нечто сразу позволяло заметить, что старики идут издалека».

...Вы знаете, я их помню. У меня такое чувство, что я знала этих стариков. Так и есть. Они незримо всегда присутствовали в моей жизни. Но тогда, когда я прочитала рассказ в сотый раз, боясь пропустить какую-то маленькую деталь, ясно показывающую реальность описываемого в нём, я отделилась от всех. Впечатление было настолько сильным, что я не хотела возвращаться в действительность. Мне было хорошо со стариками.

Боль, неотступная боль вывела их на дорогу. Мне казалось, что я прошла с ними весь путь до конца, молясь за их маленькую барышню, чью душу они поняли и полюбили. И каждый раз, перечитывая рассказ, хотелось сказать о них словами самого Максима Горького из другого произведения: «Безумству храбрых поём мы славу». Получилось ли у меня разделить с ними их боль? Не знаю...

Но как же мне хотелось уйти из реальности к ним, чтобы согреться их любовью. Отогреться...

Мне было плохо. Небо казалось низким, вот-вот готовым пролиться холодным дождём. Но действительность была другой: солнце находилось в зените, всё плавилось от жары. А небо... Небо, покрытое рваной ватой в редких местах, было голубым-голубым. И среди такого великолепия постоянно раздавался раздражённый голос мачехи и тихий оправдывающийся голос младшей сестрёнки, в котором много боли...

...Ах, старики, мои старики, пусть книжные, но такие родные, жизнь проживаешь легче оттого, что есть такие, как вы. Хорошо, когда человек приходит на землю добром, любовью и счастьем для кого-то. Эта «ма-аленькая» барышня пришла их любовью, а они — моей.

Не желая, чтобы меня отвлекли от моих дум, я пошла на речку и села возле неё, наблюдая за тем, как она несёт свои воды.

— Алёнушка, вот ты где. Еле тебя нашла, — раздался надо мной голос Тимки, моей подруги.

— А почему Алёнушка? — спросила я её, всё ещё находясь в оцепенении.

— Потому что сидишь в позе Алёнушки Васнецова, — бодро смеясь, ответила она.

— Знаешь, что ты в этот мир пришла моей радостью?

— А ты — моей.

Я шла трудной, но правильной дорогой, при этом меня сопровождали любимые произведения классиков, среди которых рассказ Максима Горького «Ма-аленькая!». Я всегда была мысленно с героями этого рассказа, в котором нашла своё воплощение сама Россия.

Какой силой духа надо было обладать, чтобы пройти тот путь, которым прошли старики из «Ма-аленькой!». И как же повезло той хрупкой, полюбившейся им девушке, чтобы помолиться о душе которой, они прошли столько вёрст!

Паломничество стариков трогательно до боли, в то же время вызывает неумное беспокойство за них. Эта боль проникает в тебя и охватывает всё тело, навсегда сроднившись с тобой: больше она

тебя не покинет. Границы реального и вымышленного стираются, и ты начинаешь жить их жизнью, дышать с ними вместе, думать как они. Всё теряется перед величием их существования на земле.

Ах, старики, мои старики, родные и любимые, ставшие моим маяком, молящиеся и за меня, неугомонную, ищущую без усталости какое-то своё особое место на земле, как же мне отблагодарить вас, таких участливых к чужой беде, пробирающихся без лаптей сквозь колючий бурьян жизни? Только тем, что живу вместе с вами на страницах рассказа с тех самых пор, как узнала вас.

Иду по извилистым пыльным дорогам судьбы, молясь за души тех, кому это сейчас больше всего нужно, как они, мои старики.

И ты молись, милый человек. А вдруг получится так, что твоя молитва кого-то спасёт? И где-то там, в чужом краю, за околицей какой-то деревеньки, в часовне, где молятся, ты вымолишь для себя, меня и другого немного счастья? А вдруг? Не для того ли мы пришли в этот мир, чтобы спасти чью-то душу молитвой?

— Тимка, а ты попросишь у Бога для меня чуточку счастья?

— Попрошу, конечно, много счастья попрошу, — отвечает она задумчиво.

— А я — для тебя, — говорю и добавляю: — Ведь так повелось издревле на Руси.

Мои шестидесятники

Я с ним во всём соглашалась, потому что любила, как любят в жизни один раз. Бесконечной любовью, от которой умирают каждый миг...

Я что-то часто замечаю,
к чьему-то, видно, торжеству,
что я рассыпано мечтаю,
что я растрёпанно живу.
Среди совсем нестрашных с виду
полужеланий, почувств
шемит:
неужто я не выйду,
неужто я не получусь?

Тревога за «неужто я не получусь» заставила меня работать над собой. Я волновалась, переживала, но постоянно пыталась заново при очередной неудаче, потому что он меня уверил в том, что «... завязывается характер с тревоги первой за себя».

Я шла, спотыкаясь, падая и поднимаясь. Он мне всегда протягивал руку, и я брала её с такой нежностью, на которую способен только любящий человек. Шли годы...

За тридцать мне. Мне страшно по ночам.
Я простыню коленями горбачу,
лицо топлю в подушке, стыдно плачу,

что жизнь растратил я по мелочам,
а утром снова так же её трачу.

Опять он, проводя параллель со своей судьбой, объяснял мне настойчиво, что мне нельзя сдаваться на милость судьбе. Верные шестидесятники вторили ему: «Живи. Молись. Продолжай путь». И я жила, молилась, шла...

Мой милый Окуджава, который рядом с ним...

Пока Земля ещё вертится,
пока ещё яркое свет,
Господи, дай же Ты каждому,
чего у него нет:
мудрому дай голову,
трусливому дай коня,
дай счастливому денег...
И не забудь про меня.

Я всегда себя виню во всём, что происходит: в невежестве других людей, в брошенном ненароком на меня пасмурном взгляде, в предательстве близких. Когда день уходит, печально оглядывая всё вокруг, не желая оставлять то, что стало ему мило за такой, казалось бы, короткий срок, мне стыдно, и я ругаю себя за то, что мир так устроен, что его не изменить. Мне указывают на то, что я часто проявляю бессердечие к себе... А он мне говорит так мягко и поучительно:

Бессердечность к себе —
это тоже увечность.
Не пора ли тебе отдохнуть?
Прояви наконец сам к себе человечность —
сам с собою побудь.
Успокойся.
В хорошие книжки заройся.
Не стремись никому ничего доказать.

Я останавливаюсь и пытаюсь понять, что со мной не так.

И опять шестидесятники. На этот раз Рождественский:

Вдруг на бегу остановиться
Так,
будто пропасть на пути.
«Меня не будет...» —
удивиться.
И по слогам произнести:
«Ме-ня не бу-дет...»

Я говорю себе, что сохраню свои юношеские мечты, не позволю сердцу очерстветь, пройду чистилище и ад, и пусть говорят, пусть говорят, что я не та и действия мои не те, но душу, распятую людьми и кровоточащую, я чистой донесу до Бога... Ведь со мною рядом он и Вознесенского слова:

Пусть жизни пролито полчаши,
дай им отпить. Не уходи.

Избавь нас пуще всех печалей,
печаль сердечной глухоты.

В дни боли и страданий я попросила Бога забрать
меня к себе, но взгляд, упавший на томик его стихов,
оказался спасительным:

Всех, кто мне душу расколошматили,
к чёртовой матери,
к чёртовой матери.

Буду по северным кочкам,
лесочкам
душу мою
собирать по кусочкам.

И у Алёнушкиного болотца,
может, срастётся,
может, срастётся...

...И срасталось.

Когда-то его соратница Белла Ахмадулина на-
писала:

По улице моей который год
звучат шаги — мои друзья уходят.
Друзей моих медлительный уход
той темноте за окнами угоден.

Теперь его физически нет, а ведь он недав-
но только посетил мою малую родину, хотя
я не пошла к нему. Я боялась слиться с тол-
пой, боялась разделить наш с ним мир ещё
с кем-то...

Нет слёз, есть понимание его вечности и при-
сутствия во всём.

Говорят, чтобы достучаться до Бога, не нуж-
но ходить в храм: Он намного ближе. Так и он.
Чтобы услышать его, достаточно раскрыть
книжку.

Был прав любимый их собрат Высоцкий: «Мне
есть что спеть, представ перед Всевышним, мне
есть чем оправдаться перед Ним».

У них есть что сказать Ему...

А он со мной. Всегда и навсегда...

Он — это Евгений Евтушенко, который сам
всё сказал о себе и о своих друзьях:

Искусство, как тонюсенькая нитка,
связует разведённые мосты.

Единственная, может быть, попытка
смерть победить, — искусство, это ты.

Поэты молодеют, умирая.

Смерть — это смерть для нравственных калек,
а смерть поэта — молодость вторая,
вторая жизнь, — теперь уже навек.